

(ПП: Это отсылка к популярной китайской народной сказке «Девушка-улитка». Она о прекрасной девушке, которая появляется из раковины улитки, чтобы служить бедному фермеру Се Дуаню. Они влюбляются, но сталкиваются с противодействием императора и пиявки из царства животных. В конечном итоге их любовь побеждает.)

К разговору касательно младшей сестры Сюн Сы-нян Тан Шоу смог вновь заговорить с Сюн Чжуаншанем лишь на следующий день. На этот раз Сюн Чжуаншань был гораздо спокойнее — настолько, что это даже показалось странным. Тан Шоу чуть ли не усомнился: а не был ли вчерашний его уход лишь отговоркой, чтобы отделаться от разговора?

— Я собираюсь передать рецепт орехового печенья маме и остальным, — сказал Тан Шоу. — А те несколько видов пирогов, что готовили раньше, научу делать четвертую сестру.

Сюн Чжуаншань только и спросил:

— А ты сам тогда чем займёшься?

Тан Шоу подмигнул и хитро усмехнулся:

— Ты же не думаешь, что всё, чем я богат, — это эти рецепты? Я ведь ещё и масло могу делать. Из сои. Сейчас цзинь свиного нутряного жира стоит минимум шестьдесят-семьдесят вэней, и из него выходит всего-то шесть-семь лян топлёного. А я из одного цзиня сои получу два-три ляна масла, из двух цзиней — до шести. А соя сколько стоит? Копейки! Ты сам скажи, какая выгода!

Он говорил с торжеством, весь сиял от самодовольства и даже не заметил, как потемнел взгляд Сюн Чжуаншаня.

В эпоху Юй, хоть и знали тофу и прочие изделия из сои, но вот соевого масла действительно не существовало. Тан Шоу помнил, что даже в истории Китая соевое масло появилось довольно поздно.

В этой династии растительное масло было гораздо дороже животного. Причин тому несколько: при жарке оно лучше переносит высокую температуру, не сжигает продукты, а кроме того, его производство требует больше труда, что делает его дороже. Но даже при этом богатые семьи и знатные дома предпочитали именно растительное масло. В деревнях же, где люди редко видели жирную пищу, всё же больше ценили свиное сало.

Так что если Тан Шоу действительно сможет начать делать соевое масло — прибыль будет огромной.

Он был как раз в самом разгаре восторженного рассказа, как вдруг его грубо втоптали в чьи-то крепкие объятия, так резко, что у него голова закружилась.

— Ты мой. Всю эту жизнь ты можешь быть только моим фуланом! — проговорил Сюн Чжуаншань, обняв его так крепко, что Тан Шоу почувствовал резкую боль в рёбрах с обеих сторон.

Он поспешно забарабанил кулаком по спине Сюн Чжуаншаня:

— Ай, больно, больно!

Сколько усилий потребовалось Сюн Чжуаншаню, чтобы сдержать себя — одному ему было известно. Он зажмурился, чтобы унять бушующее в груди пламя, и наконец разжал объятия.

Тан Шоу, потирая ушибленные рёбра, примерно понимал, что у того на душе. У него было слишком много странностей. К тому же чувства между ним и Сюн Чжуаншанем возникли вовсе не постепенно, как у других, не шли по привычному пути — чем больше он умел, тем большую тревогу это вызывало у Сюн Чжуаншаня. Но Тан Шоу не собирался ничего скрывать. Он не мог пообещать Сюн Чжуаншаню будущее, но хотел отдать ему всё, что знал и умел, чтобы, когда его не станет, у Сюн Чжуаншаня было всё — целая деловая империя, возможно даже место на самой вершине. Возможно, боль утраты будет чуть легче, если рядом окажется хотя бы что-то, кроме пустоты. По крайней мере... это лучше, чем остаться ни с чем.

Всё это Тан Шоу продумал заранее. Даже то, что он передал рецепты родным Сюн Чжуаншаня, не было прихотью сиюминутного порыва. Как бы там ни было, какие бы обиды ни стояли между ними в прошлом — за время, проведённое вместе, он понял: у семьи Сюн всё же есть совесть. Им есть за что чувствовать вину перед Сюн Чжуаншанем. А теперь, получив от него столь ценные знания, они будут только сильнее чувствовать эту вину. И если однажды его самого не станет, и Сюн Чжуаншань окажется в беде — они не отвернутся, помогут. Человеку в этом мире сложно жить без хотя бы пары родственников, готовых подставить плечо. Жизнь слишком тяжела.

Он и правда не мог принять мужчину. Хотя, когда Сюн Чжуаншань брал его, Тан Шоу не испытывал ни отвращения, ни рвоты, это вовсе не означало, что ему нравилось быть в такой роли. Если бы представилась возможность, он всё равно хотел бы найти себе женщину, с которой можно было бы прожить жизнь в тёплом согласии до седых волос — это была его мечта с детства.

Но в обычной жизни Тан Шоу всё же подыгрывал Сюн Чжуаншаню в его нежностях — главным образом для того, чтобы притупить его бдительность, чтобы в нужный момент, когда всё будет готово, он мог тихо уйти.

Сейчас Тан Шоу надувал щёки и смотрел на него с видом обиженного ребёнка, чуть дразнясь и капризничая:

— Ты это уже сколько раз говорил! Я понял, понял. Я в этой жизни — твой человек, а после смерти — твой дух. Мне суждено быть только твоим фуланом. Всё, доволен?

Сюн Чжуаншань молча смотрел на него, долго, пристально, прежде чем тихо ответить:

— Хорошо.

Что это ещё значит? — подумал Тан Шоу. Молчал так долго, будто я к нему сватаюсь, а он ещё и раздумывает, соглашаться или нет! Фу!

Раздосадованный, он надулся и толкнул Сюн Чжуаншаня в его мощную, мускулистую грудь:

— Иди, вытащи с погребя мешки с соей, потом сколотишь большой деревянный чан, и замочишь бобы.

Сюн Чжуаншань был силён, телосложение у него что надо, да и рана на ноге уже почти зажила — тяжёлую работу мог выполнять без проблем.

Он крепко сжал ладонь шуаньэра, прижатую к его груди, и снова пристально, глубоко взглянул на Тан Шоу. В этот момент его взгляд был таким пронизывающим, таким серьёзным, что у Тан Шоу по спине пробежал холодок, а волосы на затылке встали дыбом — он едва не подумал, что Сюн Чжуаншань догадался о его маленькой хитрости.

Однако в итоге Сюн Чжуаншань лишь мягко ответил:

— Хорошо.

Сюн Чжуаншань и Тан Шоу были совершенно разными. Он — крепкий, мускулистый, габаритами мог бы уместить в себе не одного Тан Шоу, а его сила и вовсе была вне сравнения. Он без труда вынес из погребя целый мешок сои.

— А чан какого размера делать? — спросил Сюн Чжуаншань.

— Такой, чтобы в нём можно было замочить все эти бобы. Если слишком много, замочи хотя бы половину.

Сюн Чжуаншань кивнул и отправился искать дерево. В крестьянских семьях всё не так, как в городе — там, где горожане всё покупают, сельские люди с детства привыкают жить трудно, и всё необходимое по хозяйству делают сами. Это не просто привычка — это выработанный инстинкт выживания, вырезанный в костях.

Сюн Чжуаншань и впрямь не зря ел свой хлеб — к делу он был годен. К вечеру того же дня он уже сделал деревянный чан и поставил сою замачиваться.

На самом деле, Тан Шоу вовсе не был трудолюбивым человеком. Зато Сюн Чжуаншань — был. За исключением того, что он не любил убираться, не готовил и не стирал, любую другую работу мог сделать легко. А жизнь здесь совсем не такая, как в будущем. Тогда казалось, что все дела — это те, что по дому, но на деле больше всего работы — снаружи.

В хозяйстве семьи Сюн было полно свиней, овец, кур и уток — всех нужно было кормить. Навоз — убирать каждый день. Этими делами всегда занимался Сюн Чжуаншань, молча, без жалоб, ни разу не привлекая к этому Тан Шоу.

Отжим масла — дело нелёгкое, требует силы, а Тан Шоу как раз в этот день охватила лень, и самому браться за работу не хотелось. Он стал командовать Сюн Чжуаншанем. Тот, хоть и был неуклюжим в готовке, с отжимом масла справился удивительно быстро — раз объяснишь, и всё понимает. Они вдвоём провозились до глубокой ночи, и лишь под утро второго дня смогли подготовить первую партию соевого масла на продажу.

Когда постоянный закупщик заглянул в дом семьи Сюн и увидел, как много кувшинов с маслом расставлено на земле — рядами, впритык, да ещё и совершенно открыто — у него буквально глаза полезли на лоб.

Да сколько же они за последнее время нажили, раз могут себе позволить расходовать масло вот так, не экономя?! — удивлялся он. На рынке в уезде половина шэна рапсового масла стоит сорок вэней — очень дорогое удовольствие!

Увидев, как тот неотрывно уставился на соевое масло, Тан Шоу усмехнулся:

— Масло нужно в хозяйстве? По два вэня за вот такую чашку.

— Не нужно... Ч-что?! Всего два вэня за целую вот такую чашку?! — мужчина не сразу осознал, а потом от неожиданности чуть не выронил деньги. Такой чашки масла, если расходовать с умом, семье хватит почти на полмесяца — и всего за два вэня!

Если раньше два вэня тратили с опаской, то теперь, стоит только не лениться, продать немного печенья или пирогов — за день можно выручить двадцать пять вэней без труда. Потратить два на масло, чтобы семья поела сытно, — на это деревенские теперь охотно соглашались.

— Дайте мне чашку, — сказал мужчина, протягивая деньги. — Вот, два вэня.

— Хорошо, — ответил Тан Шоу, налил ему полную чашку. Мужчина аккуратно понёс её домой, а уходя, ещё обернулся:

— Ах да, Сюн-фулан, оставьте мне, пожалуйста, три цзиня больших ореховых печений и два цзиня маленьких. Я сейчас вернусь за ними.

— Хорошо, — отозвался Тан Шоу.

В это время ещё один закупщик подошёл к дому семьи Сюн, увидел, как мужчина несёт чашку масла, и спросил небрежно:

— У семьи Сюн что, сегодня свинью забили? Жир вытопили? Почём продают?

Тот, не останавливаясь, ответил:

— По запаху — не похоже на животное, больше на растительное. Я и не спрашивал особо — такая большая чашка всего за два вэня, я сразу и взял. Вон, раньше-то за год вся семья и масла толком не видела, теперь вот, у семьи Сюн такое дешёвое масло, а мы и сами теперь зарабатывать можем. Значит, больше не будем сидеть без масла.

Мужчина, услышав, что такая полная чашка стоит всего два вэня, тут же, не теряя времени, бросился в дом за покупкой.

— Сюн-фулан, говорят, у вас тут за два вэня целая чашка масла — налейте-ка и мне! — сказал он на ходу, выжывая деньги. — Только скажите: это точно от свиньи или овцы?

Тан Шоу не собирался скрывать. Даже если он скажет, что масло соевое, никто из них всё равно не сможет его произвести. Да и к тому же, растительное масло всегда ценилось выше животного — зачем врать?

Он с улыбкой ответил:

— Нет, это выжато из сои.

— Из сои? Так из неё и масло можно делать?! — мужчина удивился, воскликнул, но больше из искреннего изумления, чем желания выведать секрет. Сказал — и тут же смутился, лицо порозовело.

Тан Шоу понял, что тот спросил невзначай, и нисколько не обиделся.

— Соевое масло тоже вкусное, для готовки отлично. У нас ещё и цена хорошая — попробуйте дома, сами убедитесь. Понравится — расскажите другим.

— Обязательно, обязательно! — закивал тот.

Очень скоро по всей деревне Синхуа разнеслась новость: семья Сюн выжимает масло из сои! Да ещё и продаёт по смехотворной цене — всего два вэня за большую миску. Готовить на этом масле ничуть не хуже, чем на дорогом рапсовом, а стоит оно в разы дешевле.

Вскоре вся деревня Синхуа загудела — каждый только и говорил о соевом масле семьи Сюн.

— Ты погляди, — переговаривались люди, — из сои, оказывается, тоже можно масло выжимать, да на вкус оно ничем не хуже того, что в уезде продают — рапсового.

— Да уж, мы с этой соей всю жизнь в поле возимся, а и не знали, что из неё ещё и масло можно делать.

— Говорят, это всё придумал тот новый супруг, которого Сюн Чжуаншань недавно домой привёл.

— Вот, кстати, о его супруге. Я-то давно замечаю — странный он. Вон, как говорит, как себя ведёт — уверенно, свободно, совсем не как местные шуаньэры: ни робости, ни заискивания. Да и умеет много чего. Взять хотя бы это печенье — откуда деревенскому человеку знать, как такое делать? Еда вся такая изысканная, говорят, туда и сахар идёт, и мёд, и молоко, а в некоторые — и яйца. А в те ореховые — целые грецкие орехи! Да это же всё дорогое! Где это видано, чтобы мы, грязноногие крестьяне, могли себе позволить такое?

Один, озираясь по сторонам, заговорил шёпотом:

— А может, он вообще не деревенский... Может, какие-то торговцы людьми выкрали его из знатного дома и продали сюда, в нашу деревню? А если так, и его семья начнёт искать — ты представь, что будет! Нас всех втянут!

Другой поспешно возразил:

— Не может быть! Если бы он и правда был сыном из какого-то знатного дома, разве Сюн-эрлан стал бы это скрывать? Сказал бы сразу — даже если он холостой, не посмел бы оставить его у себя. Да и вообще — если бы кто-то из уважаемой семьи пропал, наш уездный глава в Юйлине давно бы уже развесил объявления и поднял всех на уши.

— А по мне, — сказал один из мужиков, — он, может, и вправду из знатного дома, но не господин, а слуга. Ну сбежал и сбежал. Ты сам подумай: пусть у нас тут, в деревне, и бедно, но всё ж лучше, чем батраком быть. Да ещё с таким ремеслом — да ему теперь деньги зарабатывать раз плюнуть! Смотри, сколько дней прошло? Не знаю, как там сам Сюн Чжуаншань, но вся семья Сюн уже головы задрали, ходят, будто сами императоры. Спина у каждого — хоть доску руби.

— Точно, — подхватил другой. — Слышал я, будто жену Сюн-далана обратно в её материнскую

семью отправили. Теперь все пироги — дело рук Сюн-унян. А ведь раньше, что бы ни натворила жена Сюн-далана, в доме перед ней только и плясали, боялись, что сбежит. Сюн-далан и слова поперёк не мог сказать. А теперь смотри — не боятся. Слыхал я, многие в деревне уже присматриваются к Сюн-санлану и Сюн-унян, ждут, как бизнес у них пойдёт. Пойдёт хорошо — будут сватов засылать!

— Эх, ты скажи мне, вот почему у Сюн Чжуаншаня такая судьба счастливая? Сколько людей из армии не вернулись, один он десять лет без вести — все уж думали, помер. А он — на тебе, вернулся! И не просто вернулся — землю купил, дом построил. Потом, сколько семей пытались его женить — всё не глянулся никто. Да ещё и сватов побил! Говорили, он на войне повредился, не как мужик стал. Сама семья Сюн — и те молчали, не раскрывались. А вон оно как — оказывается, за годы странствий насмотрелся, и теперь ему наши деревенские девки ни к чему. Да он, выходит, просто купил этого шуанъэра у работорговцев — за два лян серебра! Все тогда говорили, что с ума сошёл. А теперь посмотри — точно не в убытке! С такими темпами он с одной только партии масла вдвое больше поднимет.

— Ещё бы! — кто-то проворчал с завистью. — Знал бы раньше, хоть железный котел бы продал*, а купил такого!

(ПП: продать железный котел - образно, отдать последнее)

Один шутливо поддел:

— Купил бы, говоришь? Да ты, может, и сам хочешь купить Сюн-фулана? Ну-ну, вот скажи это при Сюн Чжуаншане — посмотрим, оставит ли он тебе хоть один зуб!

Говоривший тут же всполошился:

— Я ж просто так, сболтнул! Ты только не вздумай со зла донести всё Сюн Чжуаншаню! А не то — хоть я и сдохну, даже призраком от тебя не отстану!

— Ладно, хватит, все ж просто шутим. Но вы не замечали, что Сюн-фулан — он ведь и правда как та самая девушка-улитка из сказки?

— Девушка-улитка?

— Ага! Мой отец рассказывал мне такую историю. Жила-была одна семья — беднее некуда, все в доме один за другим умерли от голода, остался только один юноша. Как-то раз он пошёл работать в поле, а когда вернулся — в доме вдруг стоит стол, ломящийся от изысканных угощений. А ведь в их амбаре ни единого зернышка не было! Сначала он испугался, есть не стал. А потом подумал: лучше уж быть сытым покойником, чем умереть с пустым желудком — и съел. И ничего, жив остался! А еда — такая вкусная, будто и не с этого мира. Так несколько дней подряд. Тогда юноша решил подкараулить — спрятался и стал наблюдать. И вот в час обеда прямо со стены сходит фигура девушки с шелковой картины. Она живая, настоящая — и

начинает готовить. Юноша увидел, какая она красивая, и подумал, что раз она умеет готовить, да ещё из ничего, то грех терять такую. Он выкрал ту картину и спрятал. Девушка, когда закончила готовку, захотела вернуться, а не смогла. Картины нет — пути назад нет. А юноша и не отдаёт. Вот так ей пришлось остаться и жить с ним. Они стали мужем и женой, зажили счастливо, детей завели. Но шли годы, юноша стал терять бдительность. А девушка тем временем нашла картину... и вернулась в неё. С тех пор больше никогда не выходила.

— А ведь правда, похоже, — отозвался кто-то с задумчивой интонацией.

— Точно похоже... — подхватил кто-то. — А вдруг Сюн-фулан и есть самая настоящая девушка-улитка... нет, парень-улитка! Иначе откуда у него столько странных умений?

— Может, и впрямь так, кто знает...

Один из деревенских с усмешкой отмахнулся:

— Да вы сказок наслушались! Всё, хватит болтать чепуху. Вон, гляньте, у семьи Сюн уже открылись ставни — пора идти за пирогами. В эти дни приезжали люди даже из соседних деревень — если опоздаем, ничего не достанется.

— Живо, живо! Эти деревенские — такие надоедливые, встают ни свет ни заря, лишь бы успеть за пирогами...

Однако прозвище «парень-улитка» за Тан Шоу прижилось. С тех пор, как кто-то заговаривал о Сюн-фулане, втихомолку, но с весёлым уважением, его называли именно так — Улитка-фулан. Мало того — у некоторых даже втайне зародилась мечта: а вдруг и к нам судьба приведёт такого же супруга-улитку?

Неожиданно для всех эта молва сыграла свою роль — и немало браков в деревне с тех пор сложились благодаря мечтам о собственном «улитке-фулане».

<http://bllate.org/book/13592/1205346>